

Три ступени вверх

Автор:

Олег Рой

Три ступени вверх

Олег Юрьевич Рой

Три цвета любви #2

У современных золушек нет феи-крестной. Выбираться из нищеты и отвоевывать свое место под солнцем они вынуждены сами. Поэтому и Мия взяла судьбу в собственные руки. Тщательно спланированное знакомство с олигархом Валентином Гестом прошло успешно, однако дальше вместо райской жизни Мию подстерегали очередные проблемы. Где же он, долгожданный принц?..

Олег Рой

Три ступени вверх

© Резепкин О., 2020

© Груздев С., иллюстрации, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Кухня запорошена цементной и древесной крошкой. Серой, цементной, совсем чуть-чуть, а древесной – от щепок до мельчайшей пыли – много, очень много. Она висит в воздухе и, пронизанная льющим в кухонное окно апрельским солнцем, кажется золотой. Мия влетает в это невесомое светящееся облако, уверенная – сейчас, вот сейчас случится что-то волшебное! Например, она взлетит!

Но гладкие подметки новеньких туфелек скользят по линолеуму, сердце замирает: Мия чувствует, что вот-вот упадет, в животе становится холодно и весело... Или все-таки взлетит? Мысли несутся быстро-быстро, удивительно, сколько всего вмещается в одну лишь секунду! Упадет или взлетит? И она совсем, совсем не боится! Потому что точно знает: ничего плохого не случится! Не может случиться!

И она... взлетает! Потому что ее подхватывают большие сильные руки – уверенные, надежные. И подбрасывают, потом ловят и снова подбрасывают! Платишко надувается пузырем, одна туфелька слетает с ноги – а Мия хохочет! Она летает! Летает!

1. С низкого старта

«Вверх по лестнице, ведущей вниз» – идиотское же название! Выпендрожное. Как маникюр у Ксюхи. Мия покосилась назад. Даже через четыре парты было видно: сегодня ногти одноклассницы разрисованы в черно-багровой гамме, не то черепа с окровавленными зубищами (на площади в один квадратный сантиметр!), не то еще какая-то безумная готика. И все это – в сочетании с льняными Ксюшиными локонами и небесно-голубыми кукольными очами! Красота получается вырвиглазная! Вроде неглупая девчонка (в этой школе других и не бывает), но ее эксперименты с внешностью – ведь полный же маразм! Который на самом деле, видите ли, означает, что девочка в духовных исканиях, что у нее богатый внутренний мир и все такое. Доказывая это, недели три назад Ксюха украсила свои пальчики некими иероглифами, о значениях которых, сто пудов, без понятия. Но для нее главное – продемонстрировать свою особенность! Ведь где иероглифы, там и тайны восточных философий, и прочий глубокий смысл. Такой глубокий, что его и не разглядишь. Вон как у этого, как его, Сэлинджера. Подумаешь, «Над пропастью во ржи»! Ах, классик, ах, тонкий

психологизм, ах, глубины подтекста – так положено писать, заходясь от восторга. И пишут ведь, вот что самое удивительное. А на самом деле ничего, кроме выпендрежа. «Хорошо ловится рыбка-бананка», подумать только! И в подростках ничегошеньки этот Сэлинджер не понимает. Даже Кауфман с его «Лестницей», хоть и дурацкое название, и то поадекватнее будет. Или Кауфман – тетка? Мия листанула рабочую тетрадь – толстую, в обложке «под кожу», с уже потрепанными углами. Точно, тетка! И ведь упаси божечки перепутать! Вот за каким лешим Неистовая Виса им все это впаривает? Для ЕГЭ оно без надобности, а если для общего культурного развития – так кому эта археология сейчас интересна? Сегодня народ плющится совсем от других имен. Хотя что от них останется через двадцать лет? Правильно, ничего.

Вся литература, что русская, что иностранная, закончилась в девятнадцатом веке, вздохнув, подумала Мия. А после наступила эпоха всеобщей грамотности, и пошли одни сплошные... эксперименты. А уж сегодня, с Интернетом, и вовсе... сплошной поток сознания, даже когда этого самого сознания кот заплакал. Сказать нечего, вот и изгаляются кто во что горазд. Эксперименты! Гадкое слово. На «экскременты» похоже.

Вот скукотень-то! Но все изображают на лицах трепетное внимание. Кому-то, может, и впрямь интересно – училка у них толковая, рассказывает так, что заслушаться можно. Только Ксюша все ногтями своими любуется. Забилась в самый угол и думает, никто не видит. Сейчас ей Виса вломит. Вот уж кому с фамилией повезло – Белинская! Небось и в учителя русского и литературы из-за фамилии подалась. Критикесса чертова! Нормальные учителя сейчас свои классы к ЕГЭ натаскивают, а у них, видите ли, повторение пройденного – к тому же в основном того, чего на экзамене точно не будет. Нет, с ЕГЭ наверняка все обойдется, ежегодная выпускная статистика тому свидетельство. Но в остальном... Вверх по лестнице, ведущей вниз над пропастью во ржи! Примерно так.

Мия быстро, почти не глядя, нарисовала на полях тетрадки лестницу, перила которой пышно колосились. Усмехнулась уголком рта и поставила на ступеньки длинную узкую фигуру – тощие ноги-ходули с мосластыми коленками, неправдоподобно прямые плечи, туго затянутые волосы, а вместо узла на макушке – кукиш! Шарж. Нет, пожалуй, уже и не шарж – карикатура. Очень похожая (рисовала Мия всегда недурно, знать бы, откуда такие таланты) и очень злая.

– А я бы вдул... – почти неслышно процедил сзади Борька.

– Такой мыре? – удивленным свистящим шепотом поинтересовался деливший с ним парту Андрон.

Ох уж эта мода на старинные и вообще «эдакие» имена! Борислав, Андрон, Шахрия (рыженькая и веснушчатая!), Ефрем, бр-р! Даже Серафим у них в классе имелся! После пушкинского «Пророка» к нему, разумеется, приклеилось прозвище Шестикрылый, что было на самом деле лучше явно женского Сима. Мия временами недоумевала: чем родители думают, когда так детей называют? Ведь наверняка, проходя в школе гоголевские «Мертвые души», смеялись над Маниловым с его Фемистоклюсом и Алкидом. А как до собственных детей доходит – давай изгаляться! Ладно бы в честь бабушек-дедушек, а то ведь чисто «по моде». Ее, например, назвали как раз в память об отцовской бабушке, да и с фамилией имя сочеталось более чем приятно: Мия Лиу! Отца она помнила плохо, но Мия Лиу – это вам не Шахрия Семенченко. Андрон – и вовсе Кузякин. Андрон Кузякин – разве не прелесть? Все звали Борькиного прихлебателя, разумеется, Кузей.

– Не, Кузя, не скажи... – лениво протянул Борька. – Гляди, как попкой виляет. Очень многообещающе...

Мия вздрогнула. Хотя и понимала, что Борькина реплика относится не к ней – к Белинской, все равно стало гадко.

Но рука будто сама собой изобразила под нарисованной на тетрадных полях лестницей скорченную мужскую фигуру. Голова вывернута, словно спрятавшийся под лестницей подросток заглядывает училке под юбку. Оснастила вывернутую физиономию круглыми выпуклыми очками – как у Петеньки со второго ряда. Полного придурка, кстати.

Фу, гадость! Но Мия ведь не такая! Карикатура на училку – одно, а вот это... Она стремительно замазала подглядывающего подростка. Очертания видны, но уже не понять: не то человек, не то мешок картошки. Очки, правда, просвечивают, ну и ладно. Мешок картошки в очках, очень смешно. Надо бы и остальное замазать, но почему-то ей стало жалко. Прикольно получилось. Очень уж точно схвачены характерные черты Неистойвой Висы. Даже высокомерное выражение узкого лица... Хотя все равно гадость, конечно. Как будто она, Мия, ничем не лучше

Борьки. А ведь она не такая! Не такая, не такая! Даже директор, на Борьку со товарищи взирающий неодобрительно, на нее смотрит с уважением. А это дорогого стоит.

Школа была непростая – элитная. И кто тут элита, в миллионный раз думала Мия. Эти вот, сытенькие и по уши упакованные мальчики, отпрыски «малиновых пиджаков» из девяностых, глядящие на всех сверху вниз и убежденные, что «бабло рулит»? Да они, если присмотреться, и сами в том отнюдь не уверены. Вот и пыжатыся, строят из себя хозяев жизни. Типа самоутверждаются. Воспитанные гувернантками, они точно знают, какой вилочкой следует есть рыбу, и автоматически поддерживают на лице едва заметную «джентльменскую» улыбочку. И с той же улыбочкой легко всадят эту самую рыбную вилку в подходящую спину. Они ведь элита, хозяева жизни.

Мии везло. Она не была даже хорошенькой, не то что красавицей. Тельце тощенькое, плечики острые, коленки костлявые, лицо и вовсе... странное. Вроде и глаза большие, и ресницы не куцые, а вполне пушистые, и носик изящный, и губы не тонкие, не толстые, в самый раз. И ямочка чуть выше левого угла рта имелась вполне прелестная. Но даже она дела не спасала: в целом выходило что-то невразумительное. Борька с присными Мию просто не замечал. Никто не замечал. Ну, кроме учителей. Училась Мия старательно: в элитную школу ей помогла пристроиться одна из маминых пациенток, и Мия, вглядываясь в зеркало, благословляла подаренную возможность «приподняться». Раз уж родилась не во дворце (ох, не во дворце), да и внешностью небеса не так чтоб... одарили, значит, надо брать мозгами.

Ничего, выровняешься, не переживай, утешала мама. Хотя Мия и не думала переживать. Ну разве что... самую чуточку.

«Выровнялась» она внезапно, за последнее лето. Как раз к выпускному классу.

В один из первых сентябрьских дней Борька прижал ее в углу за раздевалкой – пока что пустой за ненадобностью. В углу было темно и пыльно, пахло тряпками и чистящими средствами – кажется, именно тут, вон в том шкафчике, которого почти не видно, уборщица хранила свои причиндалы. Уборщицы, точнее: здание было немаленькое, и уборщиц директор держал целых трех. Вот бы хоть одна появилась!

Но для уборки было слишком рано.

– Ух ты, какая у нас цыпочка вылупилась, – с гаденькой улыбочкой протянул Борька, поудобнее укладывая согнутую в локте левую руку – так, чтобы предплечье пришлось прямо поперек Мииного горла. Рука оказалась тяжелая, как водопроводная труба, дышать стало почти нечем, в глазах темнело. Борька был выше ее на полторы головы и шире чуть не вдвое.

– И сисечки даже отрастила, – продолжал он тихим, гадким голосом, шаря правой ладонью по Мииной груди. – Не Памела Андерсон, но уже есть за что подержаться.

Форменные рубашки шили из тонкого поплина – слабая защита от жадных пальцев. Сейчас рванет, так что пуговицы шрапнелью лязгнут по стене, и лифчик, тоненький, спортивный, треснет и разлетится, а потом... Вряд ли Борька осмелится изнасиловать ее прямо здесь, где кто угодно может появиться – после такого никакие мамшины деньги и связи не помогут замять дело, у директора тоже со связями все в порядке. Но придется потом идти в растерзанной одежде и домой так же ехать, переодеться-то не во что...

Верхняя из рубашечных пуговиц, точно подслушав Миины мысли, звонко щелкнула где-то в углу. Почти теряя сознание от давящей на горло «водопроводной трубы», Мия уперлась обеими руками в Борькину грудь.

Он засмеялся:

– Э нет. Надо быть хорошей девочкой. Вот так...

Ладонь, только что шарившая по Мииной груди, вцепилась в ее руку, легко сдвинув ее вниз. Ниже, ниже. Борька положил Миину ладонь себе на ширинку, прижал.

– Вот так. Давай, приласкай... – Он задышал глубже. – Для начала... А там погля...

Договорить он не успел.

Вырваться Мия не стала – вырвешься у такого амбала, как же! Наоборот, согнув пальцы, изо всех сил вцепилась в подставленную «ласке» промежуток. За появление в школе «не по форме» директор выговаривал сурово и сразу переодеваться отправлял, а темно-синие форменные штаны (девочкам полагались такие же юбочки, но и брючки дозволялись) шили отнюдь не из джинсы. Из мягкой, очень качественной шерсти. Ногти же у Мии были всем на зависть – ровные, твердые, хоть подземный ход копай! Не особенно длинные, чтобы не мешали посуду мыть или на клавиатуре работать, но – вполне хватило и таких.

Борька взвыл:

– Ах ты ж... – и попытался дернуть Миино запястье.

Она посильнее сжала пальцы.

Размахнувшись, он отвесил ей звучную оплеуху. Голова мотнулась, больно стукнувшись о стенку, но Мия устояла. Только не потерять сознание, только не потерять сознание...

Гаденькая улыбочка на Борькином лице сменилась выразительной гримасой боли, а тон из высокомерного превратился в почти плаксивый:

– Ты че творишь, тварь недотраханная?

– Не нравится? – удивленным тоном спросила Мия. – А так? – Она еще немного усилила нажим. – Хочешь петь в Ватиканском хоре? Там у всех такие ангельские голоса – заслушаешься.

Про сторожей в восточных гаремах и Ватиканский хор кастратов им рассказывала биологичка – в рамках изучения эндокринной системы. Мие-то было ясно, что ничегошеньки Борькиному «хозяйству» сейчас не угрожает, несколько мгновений боли и страха, не более того. Самое смешное, он ведь намного сильнее, вполне мог бы вырваться. Но – больно, а терпеть Боренька не умеет. Да и испугался. Вот и поделом.

– Ты... это... отпусти! – прохрипел он сдавленно, словно нажимали ему на горло, а не полуметром ниже. – Тебя посадят!

– Да что ты говоришь? – насмешливо протянула Мия, не разжимая хватки. – Вот если ты, Зверев, еще раз когда-нибудь ко мне прикоснешься, клянусь: оторву твое хозяйство и тебе же скормлю. Чтобы назад не смогли пришить. Вот тогда, быть может, меня и впрямь посадят. А и пусть! Знал бы ты, с каким удовольствием я буду срок мотать, помня, что тебе больше никогда за всю жизнь не придется никого прижать. Но это, знаешь ли, если. Ты ведь не рискнешь больше? А пока ко мне какие претензии? Бо-бо мальчику сделала? Пустяки, пройдет. Зато вот к тебе как раз претензии могут быть... У соответствующих органов.

– Да че я тебе сделал, подумаешь, цаца какая! Недотрога!

– У меня для тебя, придурок, плохая новость. Нынче очень в моде охота на педофилов, а мне как раз до совершеннолетия еще...

– Ты че, с дуба рухнула? Какой я, на хрен, педофил? Я сам еще несовершеннолетний.

– Зато совершеннозимний, – фыркнула Мия. – Отморозок то есть. Уголовный кодекс почитай, может, пригодится. Ответственность за развратные действия в адрес несовершеннолетней отнюдь не с восемнадцати лет наступает, а куда раньше. Заметь, даже не за изнасилование, всего лишь за развратные действия. Десять лет назад оно, может, и сошло бы с рук, а нынче толпа журналистов набезит, растрезвонит по всем СМИ, потому что модно сейчас про педофилов писать, самая хайповая тема. Могут, кстати, и попытку изнасилования припаять. Дойдет ли до реального срока – вопрос открытый, но шуму будет изрядно. Вот мамочка твоя обрадуется.

Насчет возраста уголовной ответственности Мия точно не знала, но была уверена: Борька тоже не в курсе. Главное, про «мамочку» она вовремя сообразила упомянуть, вон как сглотнул нервно. Мамашу свою Борька боялся. Она вела какой-то неслабый бизнес, не то стройматериалами торговала, не то автомобилями. Что-то совсем не женское, короче говоря. И в неженских этих делах занимала вполне заметное место. Наверняка когда-то и с бандюганями приходилось мосты наводить.

Притом дамочка изо всех сил (ну, по крайней мере, когда являлась в школу) делала вид, что ничего крепче «какой ужас» из ее нежного ротика никогда не звучало и что вращается она исключительно в «высших» кругах. В общем, изображала принцессу, всю такую изысканную и утонченную. Или, пожалуй, герцогиню – возраст у мамули был уже не «принцессинский». Да, герцогиню. Вдовствующую.

Бореньку своего «герцогиня» обожала и любые его пакости прикрывала всячески – подумаешь, мальчик шалит, молодая кровь играет, что такого?

То есть почти любые. Бог весть, каких норм мадам Зверева придерживалась в бизнесе, но в обыденной жизни жестко соблюдала правило: все должно быть «комильфо». И сурово требовала от наследника соответствовать высоким аристократическим стандартам. В собственном понимании, конечно. Мия сама однажды наблюдала, как мамаша весьма укоризненно выговаривает Борьке за нечищенные ботинки. Ей тогда вспомнилось рассуждение о разнице между невозможным и невероятным: нет ничего невероятного в том, чтобы, к примеру, королева Елизавета Вторая забеременела и родила от своего камердинера (история Виндзоров тому порукой), но, согласитесь, это совершенно невозможно (хотя бы по причине возраста царствующей дамы); в то же время нет ничего невозможного в том, чтобы она же, к примеру, высморкалась в скатерть – но подобное, разумеется, совершенно, совершенно невероятно.

В общем, шалости шалостям рознь.

Мия не удивилась бы, узнав, что Борькина мамаша оплачивает для сынули дорогих проституток (а что, это вполне «комильфо», и вообще, мальчику для здоровья нужно), но в то же время за приставания к приличным девочкам наверняка вломила бы «шалуну» так, что мало не показалось бы. А поскольку школа считалась элитной, то и все ее ученицы, по логике мадам Зверевой, автоматически имели статус приличных. Табу то есть. Поэтому лапал Борька либо тех, кто не против, либо совсем стеснительных – в общем, таких, кто точно не станет жаловаться.

Он всегда был хитрый. Границы дозволенного чуял и шифровался. Потому что пока «наверху» не знают о его «шалостях», значит, ничего вроде бы и нет.

В простенках перед раздевалками располагались зеркала. Когда Борька, донельзя напуганный ее сопротивлением, ретировался в сторону выхода, Мия оценила результаты стычки. М-да, видок тот еще! На скуле алело яркое пятно, на голове вместо аккуратной прически красовалось какое-то воронье гнездо, пуговица оторвалась «с мясом», на ее месте торчали отвратительные лохмутики. Кое-как подтянув блузку и прижав к груди рюкзачок, чтобы «критическое» место не распахивалось вовсе уж неприлично, Мия побежала на третий этаж.

Директорскую секретаршу звали Елизаветой Максимовной. Впрочем, нет, не звали – величали. Лет ей было не то сто, не то триста, абсолютно седые волосы увенчивали голову пышной короной, укрытые ажурной пуховой шалью узкие плечи никогда не горбились, выцветшие голубые глаза смотрели строго, почти сурово, а память была многим молодым на зависть. Елизавета Максимовна помнила всех учеников (и нынешних, и прошлых) поименно, и ей одной дозволялось обращаться к ним на «ты». В школе было принято исключительно «вы», даже к первоклашкам, но кто бы посмел ей указывать! Сам директор «ты» использовал редко-редко – это являлось чем-то вроде поощрительного приза. Елизавета же Максимовна, напротив, говорила «вы» лишь тогда, когда была кем-то крайне недовольна. Ходили слухи, что именно она всем заправляет, а директор – всего лишь ее сын. Правда то или нет, Мия не знала, фамилии у директора и секретарши были разные.

– Мия? – Она частенько здоровалась вот так, вопросом.

– Добрый день, Елизавета Максимовна! – Мия постаралась улыбнуться. Вежливо, чинно, как полагается воспитанной молодой особе. День был совсем не добрый, но марку держать следовало. Расхлябанности Елизавета Максимовна не терпела – и никакие обстоятельства не могли служить оправданием. Но расхлябанность – это одно, а растерзанность – совсем, совсем другое.

– Мне нужно поговорить с Илларионом Петровичем, – твердо, почти с вызовом произнесла Мия, опустив прижатый к груди рюкзачок: да, вот так я выгляжу, можете полюбоваться.

Своим орлиным взором Елизавета Максимовна заметила, разумеется, и оторванную пуговицу, и алеющую после Борькиного удара скулу, однако замечания делать не стала, спросила почти ласково:

– Мия, деточка, что-то случилось?

– Мне... Елизавета Максимовна, мне очень нужно.

Секретарша окинула Мию еще одним взглядом.

– Он занят... А впрочем...

Она нажала клавишу селектора, сняла тяжелую черную трубку и что-то туда быстро проговорила. Вновь взглянула на Мию:

– Проходи, деточка.

Злые языки называли Иллариона Петровича солдафоном – дескать, его бы воля, он бы в школе полную казарму устроил. И все потому, что до директорства он преподавал в одной из военных академий. Не то в Военно-морской (тут же, в Питере), не то в подмосковной артиллерийской. Кое-кто говорил даже, что он вел некий загадочный спецкурс в МГИМО. И вот это, конечно, была уже полная чушь: преподавал Илларион Петрович физику, при чем тут, скажите, МГИМО?

Ну да злые языки много чего могут наболтать.

Как так вышло, что преподаватель военной академии возглавил простую (на тот момент) школу, злым языкам было неизвестно.

Через некоторое время вместо обещаемой недоброжелателями «казармы» школа превратилась из «обычной районной» в практически элитное заведение. Новый директор сменил чуть не половину преподавательского состава, сохранив лишь самых толковых, а недостающих переманил из других мест – как фокусник из кармана вытащил. Обновил школьные мастерские, оборудовал автодром (убежденный, что вместе с аттестатом выпускник должен получать и права – двадцать первый век на дворе). Обеспеченные родители выражали готовность платить за «элитность», не скупясь, но основным критерием приема была не возможность семьи делать школе пожертвования, а способности и личные качества ученика. К слову сказать, различий по состоятельности между ребятами не делалось, только по способностям и старательности. Для малоимущих даже форму шили за счет школы – и без каких-либо унижительных

справок о доходах. Директор и так знал все и про всех. Или, точнее, знал его бухгалтер – личность таинственная. Мия, к примеру, никогда этого самого бухгалтера не видела. Или эту самую?

Как у директора все получалось, бог весть. Но – получалось. Однажды он отказал в приеме дочке какого-то колбасного короля, а когда тот взъярился, мол, я за свои деньги ей могу три Оксфорда обеспечить, директор лишь кротко согласился. Дескать, Оксфорд – пожалуйста, но в нашей школе ваша девочка учиться не станет. Если бы с первого класса, можно было бы что-то обсуждать, а сейчас вы ее настолько безнадежно испортили (и продолжаете портить), что спасибо за визит, до свидания.

Историю эту пересказывали в разных вариантах (колбасный король превращался то в замминистра, то в губернатора, девочка становилась то мальчиком, то тремя детьми сразу), и, по правде говоря, Мия слушала сочинителей легенды с некоторым скепсисом. Объясните, пожалуйста, хотелось ей фыркнуть, откуда это все известно, если скандальный папаша беседовал с директором за закрытыми дверями? Теоретически можно было представить, что Елизавета Максимовна их разговор слышала, но чтобы она потом кому-то рассказала? Да скорее Медный всадник с места сойдет!

И все же история выглядела правдоподобной. Потому что факт оставался фактом: отморожков в эту школу не брали – ни за какие деньги. Борька и ему подобные являлись, так сказать, пограничным случаем. И было их совсем немного.

Директора Мия не боялась. Елизаветы Максимовны робела слегка, а «самого» нет, нисколечко.

Илларион Петрович поднял голову от груды громоздящихся перед ним бумаг и, Мия могла поклясться, так же, как Елизавета Максимовна, в одно мгновение оценил ситуацию, увидев и алеющую скулу, и измятую блузку, и отсутствующую пуговицу.

– Здравствуй, Мия. Садись. Слушаю тебя.

Ни одного лишнего слова! Мия мысленно восхитилась. Директорская лаконичность вкупе с дружелюбным «ты» помогли как-то вдруг моментально

успокоиться. И слова нужные сразу пришли, и голос не задрожал. Весь рассказ – сухой, как протокол, – занял не больше трех минут.

– Елизавета Максимовна, – он ткнул в клавишу селектора. – Отыщите Галину Георгиевну.

Галиной Георгиевной звали школьного психолога. Ученики, разумеется, называли ее Леди Гага. Но не с насмешкой, а скорее уважительно.

Дверь кабинета распахнулась секунд через десять после отданного распоряжения. Мие подумалось, что Елизавета Максимовна вызвала психологиню еще несколько минут назад, не дожидаясь указаний.

Леди Гага коротко улыбнулась Мие (не тратя слов на приветствие) и обратилась сразу к директору:

– Что у нас, Илларион Петрович? Некорректное поведение? Или даже...

– Боюсь, что «или», – сухо сообщил он. – Попытка, к счастью, неудачная, но вполне недвусмысленная.

– Вижу, – так же сухо констатировала Леди Гага. – Зверев?

Директор молча кивнул.

– Алла Витальевна уже в курсе? – деловито уточнила психологиня. – Или пока без нее?

– Думаю, Елизавета Максимовна ее уже вызвала, – усмехнулся директор.

Попытка? Мия не сразу поняла, что они имеют в виду попытку изнасилования. Иначе к чему речь об Алле Витальевне, исполняющей обязанности школьного юриста? Но ведь Борька не пытался Мию изнасиловать... или... пытался? Да ладно, не настолько же он идиот – в раздевалке, куда в любой момент может заглянуть нежелательный свидетель. Но если посмотреть на ситуацию с другой стороны... Сверху, из руководящего кресла...

Ну Илларион Петрович, ай да умница! Если Борьку просто отругать за «неподобающее поведение», он, потупив голову, скажет, будто «не знает, что на него нашло», и жарко поклянется «больше никогда». А то и вовсе вспомнит, что лучшая защита – это нападение, и попытается переложить вину на Мию, она, мол, сама... Пуговица и след от удара на щеке – свидетельства не абсолютные, их всяко можно истолковать, и выйдет его слово против ее. Но вот если пригрозить полицией... Да, на этом поводе Борьку можно жестко держать. В конце концов, сама-то Мия именно уголовным преследованием ему пригрозила! Правда, сейчас уже забыла об этом – в тот момент ее несло чистое наитие... Но каков директор! В секунду все просчитал!

– Ступайте, Мия, – он слегка улыбнулся, смягчая официальный тон. – У вас ведь занятия закончились уже?

– Еще факультатив по биологии...

– Ах да, конечно. Скажите Елизавете Максимовне, чтобы обеспечила вас рубашкой. И, наверное, компресс какой-нибудь пригодится? Ступайте.

Запас форменных рубашек, брюк, юбок – а также флаги, ленты и бог весть что еще, практически на любой случай, мало ли что в школьной жизни может произойти – хранился в кладовке, что располагалась за танцзалом и размером была примерно с него же. Мия поморщилась: идти через полшколы в пострадавшей блузке (да еще в торжественном сопровождении Елизаветы Максимовны!) – удовольствие ниже среднего. Но куда деваться! Явиться на факультатив в растерзанном виде и вовсе невозможно. Не ходить? Ну да, от директорских распоряжений не увиливают. Ладно, любопытствующие и сочувственные взгляды – не самое страшное. Голову выше, плечи расправить – и пусть они все хоть глаза на ней сотрут!

Проходить сквозь строй любопытствующих, однако, не пришлось: новая форменная блузка висела на стуле справа от кресла, в котором восседала Елизавета Максимовна.

– Там переоденься, – распорядилась она, кивнув в сторону не приметной дверцы в углу приемной, за которой располагался директорский туалет. – Сперва вот это приложи, – секретарша вручила ей полотняный сверточек. – А когда переоденешься, сразу вот это, – она подала Мие влажную, пропитанную чем-то

темным салфетку.

В сверточке оказались ледяные кубики (ах да, в приемной же холодильник стоит), салфетка же, вероятно, была свинцовой примочкой или чем-то вроде того – чтоб синяк под глазом не образовался. Ай да Елизавета Максимовна! Ну и блузка, разумеется, точно впору – но это как раз не фокус: у секретарши в компьютере все данные на всех учеников, от размеров и дней рождений до пищевых и лекарственных аллергий.

Переодеваясь, Мия мстительно думала: вот теперь Боренька попляшет! Судя по созыву «большой тройки», спускать «шалость» на тормозах директор точно не собирается. Или, может, наоборот? В смысле, наказывать Бореньку не будут, зато угроза наказания останется и послужит очень эффективным воспитательным рычагом. «Строгий» поводок, дамоклов меч и все такое – неплохой инструмент, чтобы и Борьку в рамках приличного поведения удерживать, и другим предупреждение сделать. В школе ничего ведь не скроешь, так что Боренькины прихлебатели, готовые каждую его «шалость» за образец брать, поневоле притихнут. Правда, мамаша может сыночка в другую школу перевести, от злых языков подальше, но это бабка надвое сказала.

В другую школу Борьку все-таки не перевели. Но Мию он больше не трогал (да и вообще никого, кажется), только гадкие шуточки за спиной отпускал. Вот как сейчас. Развлекался. Ну ничего, выпускной год на исходе. А там можно будет забыть этого гада, как страшный сон.

Ладно, на самом деле школа хорошая. И таких, как Борька, немного. Но почему-то видно именно их. Мие вспомнилась чья-то саркастичная шуточка: «Что может быть отвратительнее, чем увидеть в откушенном яблоке червяка? – Увидеть в нем половину червяка!» От Борьки и ему подобных оставалось такое же ощущение. Мерзкое, гадливое. Словно проезжающий автобус тебя грязью из вонючей лужи окатил. Автобус уехал давным-давно, а ты стоишь, как у позорного столба, хотя вроде бы сам-то ни в чем и не виноват.

И сейчас пакостный Борькин шепоток Мию почти взбесил – при том, что никаких теплых чувств она к русичке не питала. Но одно дело – не любить училку, и совсем другое – говорить о ней гадости. Может, все-таки ликвидировать рисунок, пока не поздно?

Вера Сергеевна Белинская носила прозвище Неистовая Виса не только из-за фамилии и созвучия инициалов с именем Виссарион. Преподавала она, кто бы спорил, хорошо, отлично просто, ухитряясь втиснуть в самые безразличные головы познания о литературе в гораздо больших объемах, нежели требовала программа. Про русский язык и говорить нечего: питомцы Висы «плач» с мягким знаком (как большинство Мииных ровесников, если по правде) не написали бы даже в бессознательном состоянии. И впихивала она знания не силой («вызубрить от сих до сих»), а тем, что умела подавать информацию как-то так, что она сама в голове укладывалась. Интересно было на уроках у Неистойой, это правда. Но ее и впрямь не просто так прозвали Неистойой. Ученическую массу она считала чем-то средним между стадом баранов и стаей диких обезьян (хитрых и зловредных). И никакие успехи в учебе ничего тут не меняли: могут же в стае некоторые обезьяны оказаться более... разумными? Все равно – стая. И чтоб поддерживать в ученической «стае» порядок, учитель должен быть безоговорочным вожаком. И одного лишь интереса тут совершенно недостаточно. Впрямую Белинская об этом не говорила, но никак иначе нельзя было истолковать некоторые ее методы. Она... цеплялась. Чаще к тем, кого заметила в невнимательности или, боже упаси, в равнодушии к литературе и русскому языку, но случалось, что и «передовикам» доставалось. Обижаться, тем более возмущаться, было бесполезно. Вера Сергеевна лишь улыбалась, говорила, что школа – не курорт, а вполне серьезный этап жизни, которая уж тем более – не курорт. Расслабленности не прощает, требует все время быть «в тонусе». Не зря же слово «стимул» так популярно во всех языках, европейских по крайней мере. А ведь что такое стимул? Палка, которой подгоняли быков на пашне. И человек без такой «палки» человеком быть перестает, превращается во что-то аморфное, бесформенное, слякотное – вроде амебы.

«Палка» – это, конечно, фигуральное выражение. Держалась Виса исключительно вежливо, даже голос не повышала. Да и зачем бы ей? Хватало и взгляда. Встанет возле, плечики узенькие выпрямит, головку с зализанным пучочком поднимет, зыркнет из-под приопущенных век – чисто змея.

Мия, почитав кое-что по психологии лидерства, думала иногда, что все дело в том, что Неистовая Виса работает в школе недавно – года три всего-то. В сущности, она ведь ненамного старше своих учеников. Вот и выстраивает дистанцию, борется с собственной неуверенностью с помощью максимальной строгости. Лет через пять-десять, поднабрав опыта и осознав наконец, что преподаватель она – отличный, наверное, Неистовая Виса уже не будет такой уж... неистойой.

Кстати, все заметили, что неистовость Висы в последние месяцы изрядно усилилась. Какая муха ее укусила?

Борька и ему подобные ехидно шептали, что у тетки, дескать, острый недотрахит, вот и цепляется ко всем подряд. Ну да чего еще от таких оборотов ожидать?

Мия сама некоторое время полагала, что Неистовая Виса с ее надменной суровостью – типичная старая дева (хоть и молодая еще), высохшая в ожидании романтически прекрасного принца и обдающая высокомерным холодом любого искателя взаимности, ибо ни один реальный человек до ее запросов недотягивает.

А потом нашла Вису в соцсетях. Там она именовалась Белой Никой, но фотографии сомнений не оставляли – она. Плюс «забавные случаи из учительской практики», которыми Белая Ника время от времени развлекала своих подписчиков. Немалому количеству этих случаев Мия сама была свидетельницей. Да и Белая Ника – вполне прозрачный намек на Белинскую Веру, особенно если в паспорте у нее стоит не «Вера», а «Вероника».

Исходя из информации на страничках Белой Ники, кроме профессии, у нее имелся молодой, красивый, весьма обеспеченный муж, квартира в недавно отстроенном элитном жилом комплексе и прочие приметы жанра «жизнь удалась». Красавца-мужа она именовала то «стоик, титан и финансист» (учитель литературы, ничего удивительного), то «мой личный банкир».

Сама Мия соцсетями пользовалась скупно. Не та у нее жизнь, чтоб всем и каждому ее показывать. Выворачивать перед кем попало свои шкафы – да идите вы лесом! Бог весть кто сказал «лучше вызывать зависть, нежели сочувствие», но он был очень и очень понимающий человек. Собственно, многие именно этому правилу и следовали, демонстрируя в соцсетях не настоящую свою жизнь, а лишь ее красивую иллюзию. Технически тут нет ничего сложного, но тратить на подобный театр время и силы Мие казалось если не глупым, то как минимум бессмысленным.

Однако как источник информации соцсети были очень полезной штукой. Если помнить, что все, что там пишут и демонстрируют, может оказаться фальшивкой. Кто знает, правду ли Виса в соцсеть выкладывает или так,

самооценку повышает. Но если знаешь, что именно проверять, проверка уже не составляет труда.

Оказалось, все правда.

Только «банкир» был не совсем банкиром. То есть не владельцем банка, а всего лишь начальником отдела (фото висело на сайте банка) – но ведь и не слесарем из ЖЭКа!

Мия несколько раз видела, как Белинская встречала супруга после рабочего дня: в чисто промытых просторных стеклах банковского подъезда отражалась неправдоподобно глянцевая пара – хоть сейчас в журнал о красивой жизни. Следить за ними было легче легкого, они ничего вокруг себя не замечали. «Банкир» глядел на супругу горящими глазами, прижимал к себе, похлопывал по обтянутой узкими джинсами аккуратной попке, зарывался лицом в волосы – а надменная Белинская млела, таяла, льнула к мужу. То заливаясь нежным румянцем и смущенно улыбаясь, то прикрывая томно глаза, отнюдь не привычно ледяные.

Вот где Виса себе такого мужа нашла? Сама ведь вовсе не во дворце родилась – безотцовщина, мать – бухгалтер. Филфак универа хоть и именовали всегда «факультетом невест», но вовсе не потому, что туда завидные женихи слетаются, а лишь потому, что мальчиков там – раз – два и обчелся. Мини-Иваново в университетском масштабе. Повезло Белинской... чтоб ее!

Пару раз Мия проследила за парочкой до того самого элитного жилищного комплекса.

В общем, все оказалось правдой. Мия надеялась, что хотя бы волосенки у Белинской тощие (должно же у нее быть хоть что-то не супер, а то нечестно!), но уродский зализанный пучочек, придававший Вере Сергеевне сходство со змеей, она носила как наследство из детских занятий балетом (фотографии из балетной студии прилагались).

Надо ли удивляться, что Мия Белинскую почти ненавидела?

Если бы Виса только цеплялась, то и ладно бы, учительское дело такое. Главное, что преподаватель она отличный. А излишек сурового высокомерия – да

наплевать и забыть! И все же чувство, с недавнего Мию при взгляде на Неистовую Вису, разве что на волос не доходило до настоящей ненависти.

Потому что у той было все. А у нее, у Мии, – ничего.

Кроме старшего братца, век бы его не видеть, полупарализованного отчима и матери, когда-то, если верить фотографиям, красавицы, а теперь – измотанной заботами почти старухи. А ведь ей и пятидесяти нет еще!

Небось Белинская и в полтинник будет выглядеть как фотомодель с обложки журнала «Вог».

Сама Неистовая Виса к Мие вполне благоволила – еще бы, училась-то она прекрасно, почти блестяще.

Правда, в последнее время благосклонные взгляды русичка раздавала куда скупее, нежели раньше, зато на высокомерные, почти уничижительные усмешки и замечания становилась все более щедрой.

Почему, спрашивается, думала Мия, эта гримза такая змея? И чем дальше, тем ядовитеее! Ведь умна, красива, обеспечена по самое не хочу, муж любит... А стервозность из нее так и прет. Как будто сплошные критические дни у дамочки.

Нет уж, Мия, когда у нее появится, ну, скажем, условное «все» (хотя бы примерно столько же, сколько у Белинской), уж она-то будет нежна, как сливочное мороженое. Кошмар, это же прямо цитата из «Унесенных ветром», сообразила она вдруг. Когда Скарлетт ради продвижения «бизнеса» (ибо на безвольного мужа никакой надежды, а она ведь поклялась себе, что ни сама, ни ее близкие «никогда не будут голодать!») вынуждена вести себя, мягко говоря, не по-женски... Она в этот момент примерно так же рассуждала: когда у меня будет стабильность, я такой благородной леди стану – благороднее всех вас! Забавно, подумала Мия, пытаюсь вспомнить, кто сочинил афоризм «Жизнь имитирует искусство»...

– Лиу! Я к вам обращалась. – Белинская никогда не повышала голоса, но Мию короткая фраза оглушила, как раздавшийся над ухом выстрел.

Ну вот. Она ведь должна была к Ксюше с ее ногтями прицепиться! Но вместо того – как свист стрелы – Лиу! Вообще-то Мия обожала необыкновенную свою фамилию (не то что скучное мамино Левченко!), но из уст Белинской «свист стрелы» прозвучал почти угрожающе. «Я к вам обращалась» означало, что обращение как минимум второе. А Мия, погружившись в воспоминания и прочие размышления, не услышала! Обиднее всего, что в итоге размышления как раз на литературу и свернули. Вот только ни Маргарет Митчелл с ее Скарлетт, ни автор афоризма про жизнь и искусство... ах да, Оскар Уайльд!.. Ни легенда американской классики, ни скандальный английский мастер слова сегодня уж точно не упоминались.

Растерявшись, она попыталась симпровизировать:

– Бел Кауфман – выдающийся представитель... то есть выдающаяся...

– О Бел Кауфман, – перебила ее Виса, – мы говорили, – она бросила короткий взгляд на украшавшие ее тонкое запястье квадратные, почти мужские часы, – восемь минут назад. И, Лиу, как вам в голову пришел этот омерзительно канцелярский «выдающийся представитель»? В разговоре о литературе такое просто неприлично.

– Простите, Вера Сергеевна! Я... извините, я задумалась.

– Вот как? Надеюсь, вы понимаете, что дополнительно повторять я не стану? – Она еще и улыбалась, гримза! – Придется вам освежать память с помощью конспекта... Или вы предпочитаете дополнительные занятия?

Этого только не хватало! Дополнительные занятия были платными – а мать и так из сил выбивается, пытаюсь концы с концами свести. И к чему это упоминание конспекта? Ох, не к добру...

Господи! Вот влипла-то!

Почему, почему Виса именно к ней прицепилась, почему не к Ксюше, не к Борьке (болтал на уроке), не к кому-нибудь еще? Зачем она вообще... цепляется?

Вон как глядит – у, стервятница! Почуяла, что можно назидательную порку устроить. Сейчас примется: а что вы помните по теме урока, а покажите-ка вашу рабочую тетрадь...

А там вместо свеженького конспекта – свеженькая карикатурка. Вроде как иллюстрация к этой чертовой «Вверх по лестнице», только вряд ли Белинской подобная самодеятельность понравится. И ведь карикатура-то злющая... Черт, черт, черт! С нее станется и к директору Мию отправить – с тетрадочкой наперевес. А там...

Илларион, конечно, отличный дядька. И всегда готов вникнуть, с бухты-баракты оплеухи раздавать не торопится. Но хамства не потерпит. А рисуночек-то, как ни крути, хамский. Хотя, в сущности, мелочь.

Не отчислят же ее из-за такого пустяка! Или... могут? Господи, неужели придется вылететь из школы – из такой школы! – перед самыми экзаменами? Или смилуется, не отчислит? Господи, зачем, зачем она это нарисовала? И почему не замазала? Надо быстро... Но рука словно онемела. И вся Мия застыла – как птичка, которую гипнотизирует подползающая гадюка: длинное гладкое тело стремительно приближается, а птичка не то что шевельнуться, моргнуть не в состоянии...

Глаза Белинской спокойны, в них нет ни гнева, ни раздражения. Ну да, с чего бы – Мия, «такая хорошая девочка, такая старательная», сейчас просто под руку попалась, в назидание прочим... тем страшнее будет реакция, когда Виса увидит рисунок. И все, вся последующая жизнь окажется в один момент перечеркнута! Если Мию сейчас исключат – а ведь могут, могут! – все рухнет! Что же делать? Что?!!

За широким, чисто промытым окном царил неправдоподобно теплый для Питера апрель. Липы уже окутались бледно-зеленой листвяной дымкой. По тротуару, чуть вихляясь, катил юный велосипедист – в ослепительно-оранжевой футболке и коротких, до колена, штанах. Велосипедный руль пускал солнечные зайчики, мальчишка от восторга чуть не подпрыгивал на седле.

У Мии никогда не было велосипеда. Жили небогато, какие там велосипеды – не до баловства. Впрочем, она почему-то никогда и не хотела. Она мечтала, что у нее будет машина! Надо только закончить школу, поступить в универ (из их

школы все поступали, куда намеревались), начать подрабатывать репетиторством (из нее получится отличный репетитор!) – и все исполнится! Она снимет квартиру (даже если сперва с кем-то в компании, ничего), накопит денег – и купит машинку! Маленькую, юркую, непременно бронзового цвета...

И вот сейчас все эти сияющие – и притом реальные! реальные! – планы должны рухнуть в один момент!

Время стало тягучим – как смола. И она, Мия, – как мошка, увязшая в этой смоле. Ни пошевелиться, ни вздохнуть, ни хотя бы крикнуть... ладно, пискнуть хотя бы: простите, Вера Сергеевна! Да только та уже нацелилась устроить публичную экзекуцию (и ведь не со зла, а так, чтобы не расслаблялись), теперь ее не остановить...

Глядя на неотвратимо приближавшуюся Вису, Мия представила, как внутри головы, за выпуклыми костями черепа, серая морщинистая масса – мозг – собирается в кулак. И – бьет Вису под коленки! Споткнись, споткнись, споткнись, твердила Мия, чуть прикрыв глаза (словно бы от смущения) и сжимая ладони так, что ногти больно впивались в мягкое. Вот... вот сейчас... каблук зацепится...

Полы в классе были, разумеется, в идеальном состоянии – не за что там каблуком цепляться. Да и каблуки Белинская носила низкие, широкие, устойчивые. Учительские, в общем. В школе, по крайней мере. Мия однажды видела ее с «банкиром» в Мариинке. Самой Мие билет на широко разрекламированную премьеру достался в результате сложных манипуляций – на галерку, но она и тому была рада. Прогуливаясь в фойе среди блестящей светской толпы, она словно бы перенеслась на несколько лет вперед, туда, где она будет среди «бомонда» не случайной гостьей, а его частью. Как Белинская с супругом, на которых Мия смотрела из-за колонны. На Неистойой Висе было узкое бархатное платье, серое, но словно бы немного и лиловое (батюшки, да у нее глаза того самого фиалкового цвета!), в ушах поблескивали бриллианты и еще какие-то лиловые камни (аметисты, что ли?), на ногах – высоченные шпильки.

Эх, вот бы сейчас на Висе оказались такие же туфли... И если бы дернуть за шпильку изо всех сил...

Мия не слишком верила в нарисованные воображением картины: тетрадь с карикатурой, директорский кабинет, отчисление... Не станут ее, одну из лучших учениц, выгонять перед самыми экзаменами. Нечего придумывать, что вот Белинская сделает последние пару-тройку шагов, и мир рухнет. Скорее всего, Виса даже не дотронется до злополучной тетрадки, лишь доругает за «неуместную задумчивость». Не такая уж она и неистовая. Вполне себе приличная тетка.

Но что, если все-таки... И Мия продолжала сосредоточенно представлять, как узкий каблук застревает в незаметной трещине...

Чтобы она запнулась, запнулась, запнулась...

Да, никаких трещин в идеальном паркете, разумеется, не имелось, и туфли на Неистойой Висе были донельзя практичные. Но на предпоследнем шаге ее правая нога вдруг неловко подломилась, колено поехало вдоль угла Мииной парты – та аж дрогнула, да так сильно, что лежавшая возле тетрадки ручка задумчиво покачалась и покатилась. Докатилась до края и нырнула вниз.

– Черт! – Белинская не упала, только тяжело оперлась о край парты.

Вообще-то она произнесла вовсе не «черт», а «shit». Мия едва не рассмеялась. Никто, скорее всего, и не понял, звучание-то похожее, но она, сидевшая совсем близко, расслышала. Кто бы мог подумать, что их рафинированная Вера Сергеевна способна так изъясняться!

Хотя да, ударилась она сильно. Мия замороженно смотрела, как на серой ткани разодранной юбки набухают багровые капли. И тянутся вниз, по безобразно широкой «стрелке», ползущей по тугим, матово поблескивающим колготкам...

Звонок грянул внезапно. То есть это только так принято говорить – грянул, звонки в их школе не гремели – пели. Переливчато, мелодично. Но сейчас он именно грянул.

Горло Неистойой Висы дрогнуло, словно она проглотила застрявший комок. Проглотила, выпрямилась, дотащилась, прихрамывая, до своего стола, сдернула висящую на спинке учительского стула сумку, подхватила со стола классный журнал (экая профессиональная ответственность, ехидно подумала Мия –

почему-то ей совсем не жалко было Белинскую) и, держась все так же прямо, но все-таки прихрамывая, вышла.

Только теперь стало ясно, какая мертвая тишина висела в классе в последние несколько мгновений. А сейчас, словно кто-то тронул регулятор громкости, зашептались, заговорили, загомонили, загалдели.

Мия разжала кулак (она и не заметила, как рука сама собой стиснулась!) – на ладошке ярко горели красные отпечатки ногтей.

Ушла Белинская! Ни в дневник не записала, ни «завтра с родителями в школу» не потребовала! И самое главное – к директору не отправила и докладывать о «безобразном поведении Лиу» не станет! Не о чем докладывать! В тетрадь-то она заглянуть не успела! А то, что Мия, задумавшись, не слушала – какие пустяки, право! Господи, неужели обошлось?

Она торопливо, но старательно замазала рисунок, подумав, что после нужно будет переписать все на чистый лист, а этот уничтожить. Но это уже дома, где никто через плечо не подглядывает. Матери не до того, отчим не в состоянии, а Витек давным-давно живет на съемной квартире и дома появляется раз в год, и то по обещанию. Тетрадка отправилась в рюкзачок – подальше, во внутренний карман. Чтобы не напоминала о неприятном. Рюкзачок был уже не новый, но стильный, потертость даже добавляла ему шарма, смягчая яркую поначалу пестроту. По краю клапана вилась вышитая сложным, похожим на арабскую вязь шрифтом надпись. Совершенно нечитаемая. Многие спрашивали, что за бренд (суперская вещь!), но Мия только улыбалась загадочно. Рюкзачок сшила из кожаных лоскутков мама, давно уже, года три назад. Мия сгребла в него все, что еще оставалось на парте, одним движением, затянула шнур на горловине, защелкнула замок верхнего клапана.

Янки, с которой она делила парту, сегодня не было. Простыла, наверное. А скорее всего, опять впала в уныние: сидит дома, в стенку пялится. С ней бывало такое. Окажись бы она сегодня на месте, подтолкнула бы Мию, когда Виса свой стервятнический взор на нее обратила. Ничего бы и не было – ни выговора, ни паники... Да Мия и рисовать-то вряд ли принялась бы.

Она поднялась из-за парты так резко, что едва не налетела на угол. Тьфу ты, черт, что ж сегодня все наперекосяк-то!

Да еще Петенька прямо в проходе застрял – ни пройти, ни проехать. С ним вечно так: то встанет всем поперек дороги, то ляпнет что-нибудь неуместное. Нелепый, долговязый, рукава форменного пиджака почему-то собираются складками, и кажется, что одежда ему не по росту. Придурок, как есть придурок. Нет, не то чтобы вовсе «убогий», учился-то он весьма прилично, но вот во всем остальном – как тот дурак на похоронах.

Над ним даже не смеялись. Не потому, что малейшие попытки издевательств, если заметят (а Леди Гага бдила старательно), преследовались сурово: от классического «к директору с родителями» до старозаветного «написать двести раз «я должен уважать своих соучеников». Вроде и не страшно, но до того нудно, что потом десять раз подумаешь, прежде чем сделать что-то не то. Над Петенькой не измывались отнюдь не из страха наказания. Бессмысленно прикалываться над тем, кто не понимает, что раздающийся вокруг хохот – над ним. Скучно насмешничать, если до жертвы не доходит, что она – жертва.

Вот и чего он, спрашивается, сейчас тут встал? Парта его в крайнем ряду, почти у двери. И смотрит на Мию как... Ей не сразу удалось подобрать сравнение: как на ангела с небес? На свидание, что ли, пригласить сподобился? Нашел тоже момент!

К знакам внимания за этот учебный год Мия привыкла: не только Борька заметил внезапно распустившийся в их классе «цветочек». Впрочем, хамских выходок никто больше себе не позволял, и держать поклонников на расстоянии было совсем не трудно. Сперва аттестат зрелости и поступление в универ, решила для себя Мия, а после можно и на противоположный пол начать время тратить. Школьные романы – это несерьезно. Бесперспективно.

Нет, если бы при взгляде на кого-нибудь из окружающих парней екало сердце – тогда другое дело. Однако – нет, не екало. Некоторые из них были вполне ничего себе, но – не более того. Хотя чувствовать себя центром восхищенных, а то и откровенно влюбленных взглядов оказалось приятно. И соблазн был велик – дать себе поблажку, ухватить немного простых жизненных радостей. Но Мия лучше любого учителя знала уровень своих способностей: отнюдь не тупица, но и не гений, ох не гений. На одной внешности в рай не въедешь, надо и соображалку иметь, и знания какие-никакие. Без этого никуда, кроме как в постельные куклы. Так что внешность внешностью, а учиться надо. И еще как... Некоторым (вроде Янки) учеба давалась играючи, Мие же, чтобы быть на уровне, приходилось брать старательностью. Уровень она определила для себя сама –

если нельзя стать лучшей, следует держаться хотя бы в статусе «одной из лучших», не забывая, конечно, зорко оглядываться вокруг, чтобы не пропустить возможный счастливый случай.

Но Петенька – это, конечно, не про то.

– Я все видел! – выдохнул он наконец.

Мия лишь удивленно вскинула бровь: что такое он мог видеть со своего крайнего ряда?

– Ты заставила Вису споткнуться! Я видел! Ты... колдунья, да? Я еще тогда подумал, когда Куприна проходили... ты на Олесю похожа. А сегодня убедился!

Вот ведь как интересно-то... Значит, это все-таки она остановила Белинскую?

Мия молча обогнула стоявшего столбом Петеньку и вышла из класса – быстро-быстро. Догонять ее он почему-то не стал. Тормоз, что с него взять.

На автобусной остановке пряталась от налетающего то и дело ветра симпатичная лохматая дворняга: одно ухо черное, спина рыже-коричневая, а все остальное белое. Ну... относительно белое: на брюхе шерсть слиплась в грязные мокрые сосульки, не оставляя сомнений в собачьем образе жизни. Мия угостила псину завалявшейся в кармашке рюкзака печенькой. После минуты настороженных взглядов и принюхиваний подношение было принято.

– Тебе тоже приходится самой за себя? – улыбнулась Мия и поежилась. Апрель, конечно, выдался теплый, но ее все еще знобило, должно быть, от пережитого стресса.

Все же обошлось, успокаивала она себя, стараясь выкинуть из головы мысли о Белинской. Но те упрямо возвращались. Неужели Петенька прав, и это Мия своим пристальным взглядом заставила учительницу споткнуться? Впрочем, Петенька вечно что-нибудь эдакое... ляпнет.

На Олесю она, видите ли, похожа! По купринскому описанию, внучка бабки Мануйлихи – черноглазая брюнетка лет двадцати – двадцати пяти. А Мия, мало

того что куда младше, даже не брюнетка, максимум – темная шатенка. А против солнца в слегка вьющихся пушистых прядях просверкивают золотые искры – никакая брюнетка этим похвастаться не может. Глаза же у Мии и вовсе янтарные – временами, под хорошее настроение, их темная тягучая медовость начинает отчетливо отдавать светлой, как молодая листва, зеленью – и прозрачные. С купринской Олесей только и общего, что легкая смуглость кожи (на фоне которой прозрачные глаза сияют особенно ярко). И это называется – похожа?

Да и вообще сравнение с убогой дурочкой из лесной избушки Мии не польстило. Ясно, что Петенька хотел комплимент сказать, но пусть бы для начала мозг включил. Хотя какой там мозг... Нет, мальчик Петя, хоть и пожирает Мию глазами, не вариант. Ни при каких условиях. Ну да, судя по изящно-громоздкому золотистому «Инфинити», на котором мамочка привозила сынульку в школу, семья более чем обеспеченная, но достатком в этой школе не удивишь (форму-то Илларион Петрович вводил именно для того, чтобы разница между «богатыми» и «бедными» учениками не создавала лишних неловкостей). Обращалась же мамочка с Петенькой, как с детсадовцем: высадив его у ворот, шарфик поправляла, пиджак или пальто одергивала-оглаживала, чуть ли не нос «малышу» вытирала. И не уезжала, пока сыночек не скроется за школьной дверью. Должно быть, именно потому Петенька такой... странный. Неделанный словно.

Вот Янкин братишка-близнец – совсем другое дело. Вполне вменяемый. Не красавец, но вполне ничего. Только тоже несколько заторможенный. Но идиотом при этом, как Петенька, не выглядит – просто вялый какой-то. На Мию Тоха поглядывает вполне красноречиво (за последний год она научилась замечать такие взгляды почти автоматически), да что толку? Ни пригласить никуда не пытается (она отказалась бы, разумеется... ну... сперва, во всяком случае), ни еще какие-нибудь знаки внимания проявить. Бука. И не потому что Мии стесняется (с мальчишками бывает), он по жизни такой. Серьезный слишком.

Пьер Безухов из «Войны и мира» хоть шампанское прямо из горла на подоконнике хлестал и вообще бузил. Или это не Безухов бузил и шампанское хлестал? Черт, чем ближе экзамены, тем в более бессмысленную кашу превращаются устоявшиеся вроде бы знания. Еще чуть-чуть – и начнешь Толстого с Хемингуэем путать. Ага, всех трех Толстых сразу! Надо же, что-то еще в голове есть... Так что ничего, все нормально будет с экзаменами. Все обойдется. Тогда и о братце Янкином можно будет еще подумать...

Интересно, он в Питерский универ поступать станет или в МГИМО? Или в какую-нибудь за границу уедет? А, и пусть его, бирюка такого!

Хотя он при своем положении может и букой быть, и вообще кем угодно – девицы так и так на шею гроздьями вешаться станут. Они ж с Янкой практически в золотых пеленках родились. Везет некоторым... Нет, может, в те самые девяностые, которыми всех сейчас пугают, их родители и бедствовали, тогда, говорят, все бедствовали, кроме бандитов, а те то взрывались, то стреляли друг друга почем зря – но тогда Янки с Тохой еще и на свете не было. Сейчас-то их папаша – ого-го, в питерском бизнесе человек весьма заметный! И детки, соответственно, упакованы по полной программе.

А какой красавец их папочка! И моложавый такой, на тридцатник тянет, не больше.

И мамочка ему под стать – вот ей-богу, ровесницей дочки выглядит. Только красивее, конечно, да вообще никакого сравнения. Янка серенькая, как моль крупяная, а та – тропическая бабочка, вся как из шелка переливчатого. Глаз не оторвать!

Мия вздохнула.

* * *

Нет-нет, она очень любила свою маму! Пусть Янкина мамочка и красавица, и выглядит почти юной девушкой, и приветливая, как щенок, – улыбчивая, жизнерадостная, нежная... Миина мама совсем другая – невзрачная, не улыбается почти никогда, только и слышишь «вынеси мусор» да «посуду помой».

Ну так чего удивительного? Почему бы Янкиной маме и не быть со всеми милой при такой жизни? Муж на руках носит, готов любой каприз исполнить (хоть и погуливает, Мия была в том уверена). Ей вообще ни о чем волноваться не нужно – все принесут и подадут на золотом блюдечке. О Мииной же маме никто не заботится.

Невезучая она. Так говорили соседки, собиравшиеся на приподъездной лавочке, – не везет, мол, Аняте с мужиками.

Мия с соседками не спорила, хотя была уверена: как минимум с ее, Мииным, отцом маме как раз повезло. Хотя помнила Мия его плохо. Так, отрывки.

Особенно один. Сильные мужские руки и невероятное, невозможное, ослепительное чувство полета! Счастье! Золотое, сверкающее, летящее!..

– Ты маленький колокольчик! – смеется большой мужчина. – А теперь беги к маме. – Он ставит ее на пол, разворачивает к двери, хлопает по попке. И, насвистывая, возвращается к разложенным вокруг дощечкам и брусочкам. Золотистым и сияющим, как висящая в воздухе пыль.

Мия и сейчас помнила это сияние, хотя дощечки давным-давно потускнели. Большой красивый мужчина сладил из них кухонные шкафчики и полочки, чтобы маме было удобно. Получилось так красиво, что соседки ахали и просили:

– Григор, а нам можно такие же?

Он исполнял все заказы. Приносил со своей стройки обрезки досок – и вечерами шел оборудовать очередную кухню, прихожую или гостиную. Выходных у него почти не случалось. Мия слышала соседские разговоры:

– Работающий, это да, ну так он на заработки и приехал. Конечно, Анют, Григор мужчина видный, и капли в рот не берет, но как тебя родить-то от него угораздило? Он же для той семьи старается, тебе в квартире, если что надо, помогает, все делает, хороший мужик, спору нет, однако ведь каждую копеечку домой отправляет, у него там сыновей полный комплект и жилье строится. Вот заработает сколько надо, и останешься куковать с двоими на руках. А Витьку отец нужен, хоть какой-нибудь. Сорвиголова ведь парень растет.

Мия тогда из этих разговоров почти ничего не понимала, конечно. Только спросила однажды, когда Григор уехал «в отпуск»:

– Мам, а что такое Румыния?

– Страна такая. – Мама сняла с полки маленький потрепанный атлас мира, полистала. – Вот смотри. Тут мы живем, в Петербурге, а вот Румыния, оттуда Григор приехал. Помнишь, он говорил, что Мия – это имя его бабушки? Вот там

она и живет. И не одна... – мама вздохнула.

Громадный город в атласе был всего-навсего точечкой, и Мия как-то сразу уловила масштабы:

– Далеко... Мы туда поедем? В гости?

Мама покачала головой:

– Вряд ли, деточка. Ты же и сама видишь, как далеко. Не думай об этом. Жизнь большая, там видно будет.

Мия покрутила в руках маленькую деревянную лошадку – Григор ее сам сделал, и Мия с ней не расставалась. На лошадке сидела верхом соломенная куколка. Мия покатила лошадку по гладкому подоконнику, прицокивая языком, словно копытца стучали:

– Мы поедем, мы поскачем, далеко, далеко, до самой Р-р-румынии! – Это было очень весело, даже мама засмеялась.

Букву «р» Мия научилась выговаривать очень рано – чтобы правильно произносить «Григор». Она не задумывалась, почему не называет его папой. Дети вообще многое принимают как должное: у всех папы, а у нее Григор. Вот и в свидетельстве о рождении записано: отец – Григор Лиу. Свидетельство она увидела, когда пришла пора получать паспорт. Паспортистки, конечно, все перепутали и записали ее Григорьевной. Но Мия всегда была упрямой, заставила переделать. Те, конечно, возражали: зачем тебе, это ведь одно и то же, Григорьевна и Григоровна. Но она настояла. Если уж у нее такие особенные имя и фамилия, пусть и отчество будет им под стать. Григорьевных пруд пруди, а она – Григоровна.

Хотя он даже настоящим маминым мужем не являлся. Настоящий муж у нее был один – отец Витька.

Фотография стояла за стеклом серванта. Мия и сейчас ее иногда разглядывала, удивляясь: надо же, какая мама была красивая! И мужчина рядом – тоже красавец: высоченный, широкоплечий, ослепительно улыбающийся. Герой. Так

мама сказала. Он работал бульдозеристом и однажды, когда на Питер налетел ураганный ветер, полез на кран, стрела которого моталась, угрожая соседствующему со стройкой детскому саду. Крановщик, перед тем как уйти в запой, что-то там не то сделал – или наоборот не сделал – с тормозами. Или как это у кранов называется – Мия так и не смогла запомнить. Почему красавец с фотографии ринулся помогать? Не его это была вина, и уж точно не его обязанность. Но – полез. И, исправив все, что нужно, уже спускаясь, не удержался. Ветер швырнул его прямо на груды строительных шлакоблоков.

Маме даже пенсию «по утрате кормильца» не назначили, придравшись к тому, что Михаил Левченко не исполнял в тот момент своих профессиональных обязанностей. Мия эту историю узнала от соседок (дом, как еще несколько окрестных, был ведомственный, и все про всех все знали). Мама ничего не рассказывала, только говорила, что Витек – копия отца. Да Мия и сама видела: вот фотография, вот старший братец живьем – оба высокие, широкоплечие, и лица один в один.

Правда, больше ничем Витек на него не был похож. Нет, точно Мия не знала, но думала именно так. Потому что невозможно было представить, чтобы Витек кинулся кого-то спасать. Старший брат, как же!

Когда Григор уехал в свою Румынию окончательно, Витек насмехался над ней – теперь и ты безотцовщина! Хотя нет, пожалуй, не насмехался. Может, даже сочувствовал – в меру своих способностей. Мы теперь, говорил, с тобой оба-два безотцовщина, сестренка... Почему-то особенно обидно звучало не «безотцовщина», а это вот жалостливое «сестренка». Когда Мия пошла в школу, она решила, что Витек просто завидует ее яркой фамилии. У него-то с мамой фамилия была самая заурядная – Левченко.

Думать так она перестала довольно быстро. Это случилось после того, как Витек сломал сделанную для нее Григором лошадку. Просто взял и наступил – вроде не заметил, нечего, мол, игрушки свои по полу разбрасывать. Мама пыталась Мию утешать, говорила, что попробует все склеить. Хотя клеить там было нечего – крошки и щепочки. Наверное, Витек не просто наступил, а еще и потоптался... Мия собрала останки в платочек и похоронила их в углу двора – таясь, чтобы старший брат не выследил. Она не плакала – охватившее ее горе было слишком велико для слез. Только приходила к лошадиной могилке каждый день – и сидела молча.

Потом перестала, конечно.

Спустя время появился отчим. Тоже красавец-мужчина – высокий, широкоплечий, с яркими синими глазами – и тоже строитель. Поликлиника, где мама тогда еще работала, когда-то была ведомственной, и до сих пор строители составляли изрядную часть тамошних посетителей. Неудивительно, что все мамы мужа (и первый, настоящий, и следующие, «гражданские») оказались строителями.

Отчима звали Николай Геннадьевич Широков.

Он и впрямь был широкий. Двухкомнатная хрущевка, казалось, съеживалась, когда он вваливался в прихожую – шумный, громогласный, недовольный всем и вся. Коммунистами, что «такую страну просрали», буржуями, которые «душат рабочего человека», начальством, которое «придирается почему зря, а зарплату выводит копеечную». Поначалу соседки обращались с просьбами о помощи (в старой хрущевке человек, соображающий в сантехнике, – драгоценность), и платить готовы были, как же без этого. Но отчим только огрызался, что он на работе «жилы из себя рвет» и «надрывать пуп», чтобы «ублажать двух чужих спиногрызов», не желает. Сидел весь вечер перед телевизором и ругался.

Мия не понимала, зачем мама привела в их дом – такого. Может, чтобы дети безотцовщиной не оставались? Да только лучше уж вовсе никакого отца, чем такой вот. Жениться на маме он, разумеется, не собирался. Все с той же формулировкой: не дам себе на шею чужих ублюдков вешать!

Зато рукастый и, главное, не пьет, понимающе кивали соседки. Ну грубоват, так рабочий же, не академик. Все-таки при всей своей скандальности он был мужчина, что называется, на зависть. Поначалу, во всяком случае. Потом какой-то казус произошел у него на работе: то ли подсоединил что-то не туда, то ли вентиль нужный недокрутил или перекрутил, но, обидевшись на последовавший за этим разнос, отчим переметнулся в ЖЭК. Милое дело: хочу – иду по вызовам, хочу – в подсобке сплю.

Возле телевизора все чаще стали возникать пивные баклажки, а то и бутылки «беленькой». И орал он все громче и азартнее. А однажды, во время какого-то судьбоносного футбольного матча, захрипел вдруг, повалился, задергался, перекосясь. Вызванная Мией «Скорая» приехала быстро, но инсульт развивался

быстрее, вся правая сторона большого отчимова тела «отключилась», и, несмотря на все мамины усилия, обещанного врачами улучшения так и не наступило.

Мие тогда было тринадцать. Сейчас она уже почти взрослая – семнадцать, послезавтра исполнится восемнадцать! Совершеннолетие!

Но никакого праздника по этому поводу, разумеется, ожидать не стоит. Мама подарит какой-нибудь шарфик или другую безделушку – и все. Изменится ли что-то с наступлением совершеннолетия? Вряд ли. Формально у Мии появится право на полную самостоятельность, но одно дело – право, совсем другое – возможность его использовать. Чтобы снять самостоятельно квартиру, нужны деньги, а их нет. Да и как оставить маму с этим паразитом?

Удивительно все-таки, думала Мия, подходя к дому. Как это мама – маленькая, серенькая, никакая, в общем, – ухитрилась заполучить трех мужей-красавцев? Ну пусть «законный» был только один, еще двое – «гражданские», не в этом дело. Чем она их притягивала?

А потому что надежная, одобрительно бормотали соседки. Не вертихвостка, по сторонам не зыркает – хозяйюшка, все умеет, обо всем позаботится. Получалось, главный секрет – всю жизнь прогибаться, подлаживаться под «его» (кем бы он ни был) капризы, улаживать... Он тебя душой через слово крестит, а ты ему супчику горяченького да рубашечку чистенькую... Да к черту лысому такое счастье!

* * *

– Анька, ты, что ль? Явилась, наконец!

Мия заглянула в большую комнату. Отчим – здоровенный и, невзирая на болезненную худобу, грузный, точнее, обрюзглый – сидел, безвольно развалился на своем диване. Складное инвалидное кресло стояло за шкафом возле лоджии – на случай «выхода». По квартире он кое-как, с помощью, передвигался. С одного боку подставляла плечо мать, с другого – Мия. Витек дома давно уже не жил, предпочитал съемные квартиры, фыркая: вы и так тут друг у друга на головах сидите.

Отчим с минуту сверлил стоящую в дверях Мию мутноватым, словно расфокусированным, но тем не менее злобным взглядом.

– А, это ты! Явилась, дармоедка! За пивом давай сбегай, хоть какая-то от тебя польза будет!

Никакого пива ему, конечно, не покупали. Но он все равно требовал, скандалил:

– Давай бегом, одна нога здесь, другая там. Ну? Слышала, что сказал? Мать, шалава, шляется где-то, так хоть ты пошевелись!

Мать «шлялась» по бесконечным пациентам (слово «клиент» она не любила), старательно зарабатывая нелегкую медсестринскую «копеечку»: там капельницу поставить, тут уколы сделать или массаж лечебный. Денег – на отчима в первую очередь – требовалось немало.

Мия привычно пропустила отчимовы вопли мимо ушей. Логикой до него было не достучаться, разумных аргументов он слушать не желал, только больше ярился, а если молчать, сам заткнется, как устанет.

Раньше он уставал быстро, минут за пять, а теперь «пороху» хватало все на дольше и дольше. Натренировался, что ли? Или от скуки так спасается? И с каждой неделей становилось все хуже. Ясно, что нестарого еще мужика собственная беспомощность должна бесить. Но за эти годы мог бы уже и привыкнуть. Сам-то ведь никаких усилий не прикладывал! Когда вся правая сторона после инсульта «отключилась», ему внятно объясняли: массаж, гимнастика, восстановительные процедуры – и вполне оптимистический прогноз. Он же, милостиво принимая мамину заботу (массаж, процедуры, накормить вкусненьким), сам ничего делать даже и не пытался. Только орал на всех. На маму – за то, что, задержавшись у пациента, запоздала на пять минут с массажем или, наоборот, слишком усердно его делала: «Отвали, все равно никакого толку!» На Мию – за то, что «задницей крутит» и вообще «дармоедка». На Витька – за что попало, пока тот, потеряв терпение, не съехал на съемную квартиру. Впрочем, Витьково отдельное житье стало еще одним поводом для придирок: «Сбежал, чтоб девок без помех водить! Лучше бы матери эти деньги отдавал!» Зарабатывал Витек своим автослесарством неплохо и матери «подбрасывал». Хотя и не слишком регулярно. Мия давно поняла, что отчиму плевать на гипотетическую Витькову помощь, которая могла быть и побольше,

дело в мерзком отчिमовом характере. Ему позарез нужно было «опустить всех ниже плинтуса», у него от этого даже настроение ненадолго улучшалось. Приступы агрессивности сменялись периодами слезливого уныния, которые были ничуть не лучше:

– Хоть бы сдохнуть поскорее! Сил моих больше нет никаких, за что мне это наказание! И вам всем сразу облегченье выйдет. Заждались, небось?

Через пять минут жалобы сменялись обычным раздражением, злобой и нападением на всех и вся: от «уродских» актеров в очередном телесериале до «тварей» (это относилось к маме и самой Мие), которые «подсыпают в еду отраву».

Когда вечером они вдвоем (под правое плечо и под левое) водили его в ванную, он продолжал орать.

* * *

Солнце плескалось во всю ширину школьного коридора, золотило паркет, высвечивало белые оконные рамы так, что глазам больно было смотреть, сияло, словно за просторными окнами лежал не Питер, а какая-нибудь Италия. Но слепящий этот свет казался страшнее любой тьмы. Светло и пусто, значит, экзамен давным-давно идет! Все сдали мобильники и сидят, склонившись над экзаменационными листами, – старательно пишут, хмурясь и покусывая кончики ручек.

Как же так? Как это могло случиться? Мия не могла, не могла опоздать! Она же бежала изо всех сил! В голове крутилась мешанина из обрывочных воспоминаний: застрявшая в проломе дороги маршрутка, толпа, штурмующая автобус, кто-то отпихивает ее... и автобус уезжает! А на дороге остается бело-рыжая лохматая собака. И кровь... Собачьи глаза мутнеют, она хрипит, вздрагивает...

В глазах потемнело от ужаса. И безжалостное солнце, отражаясь в здоровенном циферблате висящих в конце коридора часов, превратило его белый круг в почти зеркало – не разобрать, куда смотрят стрелки!

Мия полезла в карман – мобильного не было. Ах да, она же специально оставила его дома – все равно на экзаменах не разрешают...

Да и зачем ей сейчас мобильник? Время посмотреть? Да плевать! Надо поскорее найти свой класс – может, удастся еще успеть!

Вон на той двери – аккуратный белый прямоугольник с фамилией «Белинская». Значит, Мие – туда.

Паркет скользкий – только бы не упасть! А то будешь лежать, как та сбитая собака... А секунды тикают, тикают...

Едва дыша от перехватившей горло паники, она добралась наконец до нужной двери – сердце успело отсчитать не больше десяти ударов.

Вздохнула поглубже – что там, внутри? Суровый выговор, съедающий драгоценные секунды? Или понимающее «иди, иди быстрее, как же ты так»?

Потянула за ручку...

Дверь не шелохнулась.

Должно быть, заперли, чтобы никто не мешал...

Она дернула посильнее – чтоб услышали и открыли.

Дверь даже не дрогнула. Точно и не было тут никакой двери, точно это просто декорация, а на самом деле – стена.

Уже не боясь поскользнуться, она добежала до соседней двери, дернула – и тут закрыто. Да что же это такое?

Вернулась к табличке «Белинская». Прислушалась – тишина. Неужели экзамен уже закончился и все разошлись?

Прикусив губу, она дернула со всей силы, едва не закричав от острой боли в плече...

* * *

Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

Господи! Сон! И до экзаменов еще почти два месяца!

Комната, залитая бледно-серым светом, выглядела кадром из дешевого фантастического фильма. Полнолуние, чтоб его!

Шторы Мия не задергивала никогда. Замкнутые помещения ее не то пугали, не то раздражали, да и зачем – шторы? Четвертый этаж, до ближайшего дома напротив (очень условное «напротив») – метров триста, если не все пятьсот, слева и вовсе пустырь. Если же у кого-то хватит дури, чтоб караулить у окна с хорошим биноклем, тем более чтоб сторожить (с тем же биноклем) на пустыре, среди корявых полынных будыльев, да и ладно. Она читала, что писали в Интернете про «подглядывающих» – бойтесь, бойтесь, бойтесь, девки! Но не боялась. Паникерши, вопящие о нарушениях личного пространства, казались ей смешными, а сами «подглядывающие» – безопасными. Ну, как минимум значительно менее опасными, чем те, кто ежедневно ходит в метре от тебя.

Но этот лунный свет пробуждал в Мие непривычный, необъяснимый страх. Давешний инцидент на уроке литературы, похоже, вздрючил ее сильнее, чем показалось в тот момент. Сильнее, чем должен был.

Дурацкий инцидент. И еще более дурацкий сон. Хотя сон как раз вполне объяснимый. Перенервничала, а главный страх сейчас – грядущие экзамены, вот и снится всякая жуть.

Футболка, в которой Мия спала, промокла от пота почти насквозь. Надо ее снять, и одеяло придется перевернуть, внутренняя сторона отвратительно влажная. И даже подушка мокрая!

Зато в горле сушь, как в пустыне Сахара, – отопление еще не отключили, и квартира напоминала духовку. Впрочем, здесь всегда было так. Зимой воздух

пересыхал от раскаленных батарей, летом в горле и носу першило от лезущей в окна пыли.

Пить воду посреди ночи было не лучшей идеей: какой журнал ни возьми, везде пишут, что гадкие, так портящие лицо отеки и подглазные синяки возникают именно от этого, от не вовремя употребленной жидкости – но если не попить, колючки в горле не дадут заснуть. И значит – опять подглазные синяки, унылый цвет лица и все прочее, столь же неприятное.

За тем, чтобы хорошо выглядеть, Мия следила тщательно.

Не то чтобы она серьезно надеялась посреди улицы встретиться с помощником известного режиссера, разыскивающим именно такой, как у нее, типаж... Да и до того ли сейчас, когда все мысли об аттестате зрелости? Но... мало ли. Всегда нужно быть во всеоружии. Ясные глаза, очаровательная улыбка, нежный румянец (принцесса, как есть принцесса, даже если у нее по одной паре обуви на каждый сезон, а на душе черным-черно). Да, чтобы заснуть, придется попить. Хотя бы пару глотков сделать. Главное – слегка прополоскать горло... Да и ополоснуться не помешает. А прежде всего нужно выкинуть из головы привидевшийся кошмар – не то может ведь и вернуться! Ох, нет, хватит одного раза. В душ немедленно!

Сделав из комнаты всего два, ну, может, три шага, Мия обо что-то споткнулась, едва не растянувшись во весь рост. Успела схватиться за вешалку, удержалась. Что за чертовщина? Это еще один сон или в коридоре в самом деле что-то лежит?

Отчим время от времени, в приступе очередного гнева непонятно на что, начинал швыряться тем, что под руку попадет. Попадали все больше «нелетающие» пустяки вроде носков и прочих предметов гардероба. Но иногда подворачивались и более подходящие «снаряды»: тарелки, ботинки, журналы. Он так наловчился, что нередко перебрасывал очередной «снаряд» через отгораживавший его диван шкаф. Мия давно собиралась поставить на верх шкафа пару чемоданов, но так и не собралась, и «артиллерийские атаки» отчим продолжал беспрепятственно. Что он сейчас-то швырнул? Обо что она споткнулась?

Почему ночью предметы как будто исчезают с привычных своих мест? Вот где, скажите, этот чертов выключатель? Правда, отчим наверняка проснется и поднимет привычный хай. И маму разбудит, вот это действительно жаль. Но свет включить придется. Даже если окажется, что это всего лишь упавшее с вешалки пальто.

Свет зажегся словно бы сам по себе: шаря рукой по стене у входной двери, Мия наткнулась на выключатель почти случайно... и тут же хлопнула по нему опять, настолько диким показалось увиденное.

Нет, не может быть... померещилось, когда свет неожиданно вспыхнул. Да и после такого сна немудрено.

Тем не менее второй раз она нажимала на выключатель, затаив дыхание...

- Мама? - позвала почему-то шепотом. Как будто боялась разбудить.

То, обо что она споткнулась, было маминой ногой, протянувшейся через коридор, из двери в большую комнату до обувного шкафчика под вешалкой. Мама лежала на боку, левая нога, согнутая в колене, неловко торчала вбок, правая рука вытянута вперед. Словно мама пыталась ползти по-пластунски...

- Мама? - повторила Мия, падая возле нее на колени. Мысли скакали в голове безумным калейдоскопом. Поскользнулась? Отчим на нее напал? Но как, он же без посторонней помощи не в состоянии со своего дивана подняться. Бросил чем-то? Но между дверью в комнату и его «ложем» - шкаф. Ухитрился швырнуть что-то вверх? Но на полу - ничего нет! Только мама... Лежит и даже не пытается подняться... Ударилась? В обмороке?

Но это же мама! Она не падает в обмороки! Она всех сильнее! Что бы ни было - смерть мужа (этого Мия, ясное дело, помнить не могла), инсульт и паралич отчима (это она помнила, пожалуй, слишком отчетливо), - мама лишь улыбалась неуверенной своей, как будто робкой улыбкой, говорила тихо «ничего, мы справимся» - и принималась за работу. Мыла, стирала, делала уколы, бегала по пациентам (в том числе и бесплатным - как соседям откажешь), недоедая и недосыпая, стояла у плиты и кухонной раковины - и никогда, никогда не жаловалась!

Вокруг глаз у нее залегали темные тени, иногда она даже ужинать не могла – от усталости, отодвигала тарелку, опять улыбалась: «ничего, я потом, сейчас не хочется».

Мия помогала, конечно, в меру своих сил, но даже от пустякового мытья посуды нередко старалась увильнуть... Ей и в голову не приходило, что запас маминых сил не бесконечен!

Теперь она все-все будет делать! Честное слово!

– Мама...

Протянув руку, она коснулась плеча, обтянутого выцветшим ситцем наизусть знакомого халата в ромашках и васильках. Тело тяжело перевалилось на спину.

Мия отдернула руку, испугавшись не столько этой тяжести, сколько холода под тонкой тканью. И лишь через мгновение увидела мамины глаза – уже помутневшие, мертвые.

– Мийка, ты там, что ли, шкандыбаешь? – донесся с отгороженного шкафом дивана раздраженный голос отчима. – Только заснул, тля! Анька, угомони свое отродье, что за бардак посреди ночи?!

Мия закусил губу, чтоб не заорать в голос, не кинуться туда, за шкаф, не начать молотить по этому ненавистному лицу – морде! – чем под руку попадет. Пока не заглохнет!

Пожилая, с серым от усталости лицом врача приехавшей через час «Скорой», услышав гневные вопли отчима, даже бровью не повела. Точнее, только ею и повела. А Мию, вздохнув, погладила, как маленькую, по голове:

– Инфаркт. Не печалься, она не мучилась: кольнуло в груди, потемнело в глазах – и все.

Правду ли говорила врача или лгала привычно, успокаивая, Мие знать не хотелось.

* * *

Прощаться пришло неожиданно много народу. Подруг у матери не было – не до подруг, когда такая жизнь. И в поликлинике своей она давно уже только числилась – частные вызовы кормили куда лучше. Но – набежали. Ладно хоть только прощаться, ни на кладбище, ни тем паче на поминки почти никто не собирался, ну, может, семь-восемь человек, не больше. Мия вздохнула облегченно: соседи-то в их тесной двушке вполне разместятся...

Отчима временно переместили на кухню. Сперва хотели в Миину комнатенку, но втиснуть туда еще один диван было невозможно, а сидеть двое суток в инвалидном кресле он категорически отказался, как и ложиться на раскладушку. Кухонный диванчик (довольно большой, кстати) его тоже не восхитил, однако других вариантов не имелось, и отчим, скривив недовольно рот, согласился.

Раскладушку поставили на лоджию. Она выходила на юго-запад и потому за день неплохо прогревалась. Мия в очередной раз благословила неправдоподобно теплую для апреля погоду: куда бы иначе было разместить на ночлег Витька? Тот явился еще ночью, сразу, как Мия ему позвонила, но иногда ей думалось, что лучше бы и не являлся. Отводить отчима в ванную и туалет брат помогал, а в похоронных хлопотах толку от него не было. Даже платочки – тетя Лиза подсказала, что непременно надо платочки соседским бабулькам раздать, – Мие пришлось покупать самой! Витек же – одно название, что старший брат! – все сидел на лоджии и лакал свое пиво – типа, «горевал по маме». А то и вовсе уходил, буркнув невнятно «пойду проветрюсь». Проветрюсь, ну конечно!

Дух в квартире, несмотря на открытые окна, висел тяжелый. Мамино сухонькое тело почти не пахло, от гроба исходил лишь слабый аромат сухих цветов (ими были пересыпаны хранившиеся в отдельном пакете вещи «для больницы или похорон», мама даже это предусмотрела!).

Отчима же кто-то из сердобольных соседей снабдил выпивкой, и теперь от него несло вдобавок еще и перегаром. Жалельщики, чтоб их всех так же пристукнуло! Мия, пока Витек помогал отчиму справить нужду, обнаружила под кухонным диванчиком, на который его переложили, пустую водочную бутылку и, покопавшись в постели, еще одну, полную. Но это, похоже, было не все: в хлам отчим не напивался, однако перегарный дух слабее не становился, значит,

посасывал потихонечку. Мия еще раз обыскала диванчик и ничего не нашла. Отчим был хитрый. А может, ему тишком еще подносили. Идиоты!

Мия едва сдерживалась, чтобы не заорать: это он ее убил! Бред, конечно: прикованный к дивану паралитик, которого даже кормить с ложечки приходилось (не всегда, одна-то рука у него работала, но частенько он принимался капризничать, притворялся, что и левая сторона «отключилась»), не сумел бы маму даже толкнуть...

Но она все равно, вопреки логике, считала отчима убийцей.

- Чтоб ты сдох!

Он дышал хрипло, с присвистом. Что-то как будто клокотало в исхудавшей, но по-прежнему широкой груди, под застиранной клетчатой рубашкой. Сердце, должно быть, подумала Мия скептически. Будто у него есть сердце!

- Это ты ее убил! - вырвалось у нее непроизвольно.

В глазах отчима, поблекших, но все еще красивых, что-то мелькнуло. словно рыба, вильнув, ушла на глубину. словно отчим хотел скрыться от Мииного взгляда, полыхающего жаркой, испепеляющей ненавистью. словно отшатнуться хотел, но не получилось. Конечно, не получилось. Даже если бы он мог полноценно двигаться - сзади его подпирала диванная спинка. Только чуть заметно шевельнулись на укрывавшем колени старом одеяле скрюченные пальцы.

Мия наклонилась к нему почти вплотную, вперив взгляд в выцветшие из когдатошной синевы до блеклой серости глаза, и повторила тихо, почти беззвучным, свистящим шепотом:

- Ты ее убил, тварь!

- М-мне н-над-до в-врач-ча! - гнусаво потребовал он.

- Перебьешься. Не до тебя. Тьфу, гадость! - Ее передернуло.

Вонь шибала от худого, но обрюзгшего тела, сжимая горло тошнотными спазмами. Мия давно заметила, что вонять отчим начинал уже через час после гигиенических процедур, и поставляемая кем-то особо сердобольным выпивка эту особенность, похоже, еще усилила. Но обтирать полупарализованную тушу сейчас чаще чем пару раз в день не было ни времени, ни, главное, желания.

Ничего, немного сильнее, немного слабее, неважно, и так сойдет. Им на кладбище пора, а после – поминки. Потом уж, вечером, она все необходимое сделает. Противно, но куда денешься – мамы теперь нет, придется ей с этим гадом нянчиться... Вот уж и вправду гад. Паразит. В буквальном смысле слова. Глист. Пиявка. Присосался. Но – придется заботиться, тут уж без вариантов. Проклятье! Делала она ему сегодня укол или нет? Вчера делала точно, а сегодня? В мозгу мелькнуло что-то смутное насчет опасности передозировки. Эх, всадить бы ему сразу полдюжины доз! Но ведь вычислят моментально. Э-эх, чтоб тебя!

Ей показалось, что по коридору промелькнула-проскользнула черная тень. Вот бы это отчимова душа отлетела, подумала Мия и горько усмехнулась. Как же, дождешься! Такие, как этот паразит, десятилетиями способны небо коптить. Еще их с Витьком переживет, зараза! А тень... что – тень? Должно быть, голова от усталости закружилась. Когда она ела в последний раз? Вчера? Да, точно, соседка с верхнего этажа тетя Лиза принесла термос с каким-то густым протертым супом – пахучим, острым и таким горячим, что, если бы не припасенный той же тетей Лизой бутерброд с сыром, Мия бы с едой не справилась. Да, получается, больше суток во рту маковой росинки не было. Но заходить на кухню, где можно съесть хотя бы ложку меда, не хотелось. Там отчим, от одного его взгляда кусок в горле застрянет. Да и есть ей не хотелось. От одной мысли о густой, едкой медовой сладости затошнило. Желудок скрутило спазмом, во рту стало горько. Черт, черт, черт. Нет времени на плохое самочувствие!

Не зажигая света, она зашла в крошечную ванную, жадно приникла к крану. Ополоснула холодной водой лицо, намочила затылок. Огляделась – все в порядке, никаких черных теней.

Хотя поесть, конечно, надо бы.

Ладно, все это уже после кладбища... Или Витек, или соседские мужики помогут перетащить грузное отчимова тело обратно, на его диван в «гостиной»... Ох нет,

не так. Там ведь еще и стол поминальный, его поставили сразу, как снесли вниз гроб, как же это она забыла! После похорон все сядут помянуть «Матвеевну»... Так странно думать о маме – Матвеевна... И вообще странно все это... Всегда мама обо всем «таким» заботилась, а теперь, кроме как Мие, больше никому. Не Витьку же! Мысли путались, перескакивали с одного на другое. Стол развернули в «гостиной», потому что ясно было, что на кухне все не разместятся. Интересно, а поминки – это долго? Ладно, чего гадать, сколько просидят, столько просидят. Значит, после поминок (или даже во время, там поглядим) она и в ванную паразита отведет (Витек поможет), и укол ему сделает.

– Мий, мож, мы тут приберемся, пока вы Матвеевну провожаете? – Тетя Лиза сразу сказала, что на кладбище не поедет, сердце уж больно жмет, но помогать рвалась. – Нинка из третьего тоже остается, мы бы в четыре руки управились. Полы там помыть и прочее...

– Спасибо, тетя Лиз, – устало улыбнулась Мия, обернувшись к стоявшей в проеме кухонной двери соседке. – Я после сама все помою. Отдохните пока, вы и так мне очень помогли...

– Ну как знаешь, – недовольно дернув плечом, тетя Лиза пошла на выход.

Мия двинулась следом.

Пора.

Перед тем как закрыть входную дверь, обернулась. Отсюда было хорошо видно тот угол кухни, где стоял диван, на котором грузно восседал отчим. Врача ему, видите ли! Надо было, конечно, в туалет его сводить, но – перебьется, в памперсе посидит, все равно мыть вечером... Паразит! Если бы взгляды могли убивать...

Вздыхнув, она осторожно, как будто сомневаясь в чем-то, закрыла дверь, повернула ключ и медленно-медленно пошла вниз.

* * *

Ритуальщики подвезли их к самому дому, и Мие на мгновение почудилось, что они вернулись с кладбища куда-то не туда. Что это какой-то чужой дом, ошиблись ритуальщики, заблудились, с кем не случается.

Но дом, конечно, был их. У подъезда еще валялись кое-где пожухлые лепестки ирисов, крупных синих ромашек, желтых тюльпанов и даже роз – цветов натащили много, половину могилы засыпали. Баба Сима из второго подъезда – шустрая, подвижная, хотя была лет на тридцать старше мамы! – подсказала, что стебли надо переломать, иначе все цветы соберут и отправят опять на продажу, а им положено до сорокового дня на могиле лежать, иначе не по-людски и не по-божески. Мие было все равно (зачем маме теперь эти веники?), но она послушалась. Баба Сима поглядела на нее пристально, и, похоже, увиденное ей не понравилось: она отодвинула Мию в сторону и быстро-быстро все сделала сама, разложив «обработанные» цветочные вороха попышнее, потом расправила черные ленты и удовлетворенно кивнула. А всю обратную дорогу подсовывала Мие бутылку с водой. Должно быть, решила, что «девчонка вот-вот сомлеет». И до подъезда довела чуть не под руку:

– Сама-то поднимешься? Или Витька кликнуть? Убежал уже? Эх, мужики...

– А разве вы... – растерялась Мия. – Еще же... – Ей почему-то трудно было выговорить слово «поминки».

– Домой на минуточку заскочу, – деловито объяснила баба Сима. – Кутья у меня там. Нельзя без кутьи. Прихвачу и сразу к вам. Ну... ступай... – Она длинно, тяжело вздохнула.

Витек обогнал ее не намного, но в квартиру вошел первый – вальяжно, по-хозяйски.

И тут же позвал сдавленным каким-то голосом:

– Мий... тут...

Преодолев последние ступеньки, она заглянула через братнино плечо.

Отчим завалился на спинку кухонного диванчика наискось, голова свесилась, на щеке блестела тягучая густая слюна, из-под полуприкрытых век желтели белки глаз.

На груди его, прижавшись к клетчатой рубашке, лежал распластанный, как шкурка, соседский Мурзик – сейчас он выглядел черной амебообразной кляксой с растопыренными, тоже черными ложноножками – лапами. Одна справа от отчимова горла, вторая, которую было не видно, уходила влево...

– Мурзик! – возмущенно воскликнула из-за Мииноного плеча неведомо откуда возникшая тетя Лиза. – Что ж ты, мерзавец, творишь?! Как ты сюда прокрался? Ох, божечки ж мои! Николай Геннадич! Как же это? Прямо одно за другим, беда за бедой! – Она тараторила подряд – и про незнамо как очутившегося в квартире кота, и про безжизненное тело Мииноного отчима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/oleg-roy/tri-stupeni-vverh>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)